

В человеческом теле множество акупунктурных точек. Без применения лекарств, лишь стимулируя нужные точки, можно погрузить человека в глубокий сон.

Цзян Линь уложил Чжоу Яня на спину, положил одну руку ему на голову и медленно направил духовную энергию в точку Байхуэй. Когда Чжоу Янь полностью расслабился, Цзян Линь внезапно нажал на особую точку, отчего голова Чжоу Яня склонилась набок и он погрузился в глубокий сон.

Семья Чжоу нервно наблюдала за происходящим. Люй Цинхэ внимательно осмотрела лицо Чжоу Яня и сказала: «Господин Цзян, когда А Яню раньше давали наркоз, он тоже засыпал глубоким сном. Но когда просыпался, был настолько возбуждён, что долго не мог даже глаза закрыть».

Цзян Линь ответил: «Общий наркоз редко вызывает сновидения. Скорее всего, когда действие наркоза заканчивалось, ему снился кошмар во время восстановления, что и травмировало его. Я запечатал его акупунктурные точки, чтобы погрузить его напрямую в глубокий сон без сновидений. Пусть хорошенько отдохнёт, а потом я его разбужу. Если даже это не даст ему нормально отдохнуть, вам нужно морально подготовиться».

Лица членов семьи Чжоу омрачились. Если уж даже практик не может помочь, то у Чжоу Яня действительно нет надежды выжить.

Погрузив Чжоу Яня в сон, Цзян Линь остался рядом с ним. Запечатанные духовной силой точки гарантировали, что тот будет пребывать в глубоком сне без сновидений. Он остался здесь, чтобы какую бы иньскую сущность ни пыталась проникнуть в сны Чжоу Яня или использовать сон, чтобы выманить его душу, Цзян Линь немедленно бы это заметил.

Если ничего не произойдёт, а Чжоу Яню всё равно будут сниться кошмары, значит, скорее всего, проблема психологическая, а не связанная с нечистью. Он мог справиться с внешними иньскими объектами и злыми духами, но не мог вылечить психические заболевания.

Под руководством Линь Сяояна Бай Чжичжи освоил игру на совпадения, не требующую чтения — «Три в ряд». Сначала было скучно, просто сопоставлять одинаковые предметы, чтобы убрать их, но по мере прохождения уровней это становилось всё более захватывающим.

Опасаясь, что ему станет скучно, Цзян Линь дал ему свой телефон поиграть. В комнате воцарилась полная тишина, все следили за лежащим в постели Чжоу Янем, и лишь изредка из телефона Бай Чжичжи доносились звуки игры.

Чжоу Цзимин был в тревоге. На кону стояла жизнь его сына, он не мог усидеть на месте. Но этот молодой человек пришёл с капитаном Цзяном и, возможно, тоже был практикующим. Простым людям нельзя было его оскорблять, поэтому ему приходилось терпеть действующие на нервы звуки игры.

Спустя два часа в комнате по-прежнему было спокойно. Ни одна иньская сущность не появилась.

Цзян Линь проверил время. «Сейчас я его разбужу. Если его психическое состояние улучшится после пробуждения, это докажет, что его состояние не вызвано внешними факторами. Даже если мы не сможем найти причину, существуют специальные снотворные, чтобы он мог спать несколько часов в день. Если и это не работает, мы бессильны».

Линь Сяоян уже объяснил это семье Чжоу утром. Если Чжоу Янь спровоцировал злых духов

или иньские души, с этим можно было справиться. Если нет — они бессильны.

Чжоу Цзимин посмотрел на сына в постели, его выражение лица было тяжёлым. «Пожалуйста, действуйте, господин Цзян».

Цзян Линь снял печать с акупунктурных точек Чжоу Яня. Спящий проснулся почти мгновенно. Ещё не открыв глаз, он начал метаться и биться в постели. Когда же он наконец открыл глаза, они были полны ужаса, и он хватал ртом воздух, словно только что избежал смерти от удушья.

Медперсонал немедленно выступил вперёд и умело обездвигил Чжоу Яня. Сейчас он был крайне слаб, почти кожа да кости. Если бы его не зафиксировали, его неистовые метания могли легко привести к травмам.

Прежде чем врач успел ввести успокоительное, Цзян Линь прижал палец ко лбу Чжоу Яня, используя духовную силу, чтобы успокоить его. Затем он внимательно осмотрел Чжоу Яня. «Тебе приснился кошмар?»

Обездвиженный Чжоу Янь в ужасе кивнул, его лицо было бледным и измождённым. Ему снова приснился кошмар. На этот раз он не был таким кровавым, как раньше, но был крайне удушающим. Ему приснилось бездонное море, и что-то опутало его ноги, утаскивая всё глубже и глубже.

Глубокое море, падение, удушье — у него не было сил даже сопротивляться. Это было ужаснее, чем погони и ранения в его предыдущих снах.

Услышав это, семья Чжоу побледнела. Люй Цинхэ не смогла сдержать слёз. Хотя Чжоу Янь не был ей биологическим сыном, она растила его с детства. После стольких лет привязанности она больше не могла сдерживаться.

Чжоу Цзимин слегка задрожал, глядя на Цзян Линя. «Господин Цзян...»

Цзян Линь сказал: «Теперь я могу с уверенностью сказать, что в вашем доме нет злых духов, и он не одержим иньскими душами. Я не врач. Мне очень жаль».

Это «мне очень жаль» прозвучало почти как смертный приговор. Чжоу Цзимин рухнул в своё кресло.

Чжоу Янь, постепенно успокаиваясь, посмотрел на Цзян Линя, затем на своего бледного отца, рыдающую мачеху и плачущую младшую сестру. Превозмогая сильную головную боль, он хрипло произнёс: «Просто дайте мне умереть».

Люй Цинхэ воскликнула «А Янь», желая сказать ему не сдаваться, но голос застрял у неё в горле.

Чжоу Цзимин не мог принять мысль о том, что переживёт своего ребёнка, но как человек, прошедший через многие бури, он сумел взять себя в руки. Он собрался и подошёл утешить сына. «Не бойся. Папа найдёт способ вылечить тебя. Ты тоже не должен сдаваться. Мы справимся вместе».

Когда Бай Чжичжи закончил очередной раунд игры и ждал следующего уровня, он произнёс, не поднимая глаз: «Бесполезно. Он не выживет».

Услышав это, все в комнате обернулись, чтобы посмотреть на него.

Опасаясь, что тот может кого-то оскорбить, Цзян Линь быстро встал между ним и Чжоу Цзимином.

Лисёнок-демон только недавно обрёл человеческий облик и, вероятно, не понимал правил вежливости. Хотя его слова, возможно, были правдой, они прозвучали слишком жестоко для отца, который вот-вот потеряет сына.

Линь Сяоян потянул Бай Чжичжи за рукав и прошептал: «Так говорить нельзя».

Бай Чжичжи поднял взгляд. «А как надо?»

Линь Сяоян хотел сказать, что если он не знает, как быть тактичным, лучше вообще ничего не говорить.

Но Цзян Линь спросил: «Чжичжи, почему ты так говоришь? Ты что-то заметил?»

Закипающий гнев Чжоу Цзимины приостановился. Он подавил его и посмотрел на человека, только что вынесшего смертный приговор его сыну.

Бай Чжичжи сказал: «Он ел рыбу Сянь, и довольно много. Поэтому он не выживет».

Линь Сяоян спросил: «Какую рыбу? Рыбу Сянь? Это свежее выловленная рыба с паразитами?»

Бай Чжичжи ответил: «Не свежее выловленная рыба. Рыба Сянь — это рыба Сянь, особый вид рыбы, который дарит чувство радости и позволяет забыть о заботах. Но если съесть слишком много, рыбный токсин просачивается в лёгкие и вызывает бессонницу и кошмары. Когда появляются галлюцинации — слуховые или зрительные, — это значит, что яд проник до костей, и его уже не спасти. Вы только что запечатали его акупунктурные точки, поэтому ему не приснился кошмар на самом деле. Но из-за того, что яд проник в кости, что бы он ни делал, ему будет казаться, что он переживает нечто ужасное или что ему причиняют вред. Всё это лишь его собственные галлюцинации».

У Линь Сяояна отвисла челюсть. «Откуда ты знаешь?»

Бай Чжичжи сказал: «Как только я вошёл, я учуял рыбный запах от него. Такой сильный запах означает, что он съел много. И на тех фотографиях, о которых вы говорили, была рыба Сянь».

Цзян Линь сказал Чжоу Цзин: «Пойди принеси все фотографии из кабинета».

Чжоу Цзин вытерла слёзы, выбежала за фотографиями и вскоре вернулась со стопкой снимков и альбомов.

Цзян Линь спросил: «Чжичжи, где та рыба, о которой ты упомянул?»

Бай Чжичжи пролистал фотографии, нашёл ту, где Чжоу Янь обедал с друзьями, и указал на одно блюдо. «Вот оно».

Цзян Линь осмотрел блюдо, на которое указал Бай Чжичжи. Из-за размера фотографии блюда были не очень чёткими, но он смог различить тарелку с полупрозрачным рыбным филе, а также кастрюлю с прозрачным бульоном, в котором плавало несколько ломтиков.

Линь Сяоян тоже всмотрелся. «Это рыбное мясо, но как ты можешь с первого взгляда определить, что это рыба Сянь?»

Бай Чжичжи указал на свой нос. «Я чувствую запах».

Рыба Сянь токсична. Маленький кусочек вызывает лёгкую эйфорию. Некоторые мелкие демоны наслаждаются этим ощущением и ловят такую рыбу, чтобы съесть. Мы, демоны-практики, не боимся этого яда; можем есть сколько угодно без проблем. Но вместе с ядом исходит рыбный запах. Рыбный запах токсина рыбы Сянь трудно вывести.

У лис очень острое обоняние, поэтому эта рыба не входит в наше меню. Но Бай Чжичжи видел, как мелкие демоны едят рыбу Сянь, и узнал этот запах.

Цзян Линь взял фотографию и подошёл к Чжоу Яню. «Что ты здесь ел? Ты часто это ешь?»

Чжоу Янь слышал их разговор. Его отчаяние сменилось недоверием. «Это речная рыба. Разновидность дикой речной рыбы».

Цзян Линь спросил: «Как называется эта рыба? Из какого она ресторана, или вы ловили её сами?»

Чжоу Янь ответил: «Мы ели её в "Фулуцзю". Она называется "рыба фениксов хвост"».

Цзян Линь взглянул на Линь Сяояна, который немедленно достал телефон для поиска. «"Фулуцзю", на улице Даньшуй. Работает до полуночи. Сейчас 8 вечера; чтобы добраться туда, потребуется полчаса».

Чжоу Янь попытался сесть, но всё ещё был обездвижен. Чжоу Цзимин быстро подошёл помочь сыну сесть.

Чжоу Янь с трудом произнёс: «Обычные люди не могут туда попасть. Нужно бронировать через знакомого».

Линь Сяоян сказал: «Только по предварительному заказу, по связям. И это дикая речная рыба. Ты ешь дичь?!»

Теперь не осталось никаких сомнений. Если рассказ Бай Чжичжи был верен, причина странной болезни Чжоу Яня была установлена.

Чжоу Цзимин тоже повернулся к сыну. «Как ты мог быть таким безрассудным? Нельзя просто так есть дикую пищу!»

Чжоу Янь оставался в оцепенении. В его понимании «дичь» означала горную дичь — как речная рыба могла к ней относиться? Это была просто рыба, выросшая в естественных условиях, не выращенная на ферме, — не более чем свежая, полезная еда.

Поэтому, когда он заболел, он даже не подумал о том, что он ел. Теперь, когда ему сказали, что его состояние могло быть вызвано именно этой едой, это казалось ему совершенно невероятным.

Цзян Линь спросил: «Это фото сделано год назад. Как долго ты ел эту рыбу? Когда был последний раз?»

Чжоу Янь ответил: «Фото было сделано, когда мы впервые её попробовали. После этого мы ходили туда раз в несколько дней. Последний раз был незадолго до того, как началась моя бессонница, — я не могу вспомнить точную дату».

Он и его бывшие одноклассники часто собирались в «Фулуцзюй» и были в хороших отношениях с владельцем. Годом ранее, заметив их постоянное покровительство, владелец с гордостью объявил, что раздобыл новую «дичь», и предложил им тарелку на пробу — свежую дикую речную рыбу, пойманную и приготовленную на месте, удивительно нежную.

Владелец говорил загадочно, утверждая, что раздобыл нечто действительно исключительное: настоящую дикую дичь.

Они предполагали, что это просто речная рыба — не охраняемый вид. Хотя она и называлась «дикой», речная рыба, по сути, казалась совершенно отличной от горной или морской дичи — насколько же необыкновенной она могла быть?

И всё же в момент первого укуса они поняли, что «исключительная находка» владельца оправдала свою репутацию. Рыба таяла на языке — шелковистая, нежная, со сладковатой, чистой свежестью. Даже сейчас Чжоу Янь всё ещё мог ярко вспомнить шок от того первого укуса.

Каждый из них был обеспечен и перепробовал бесчисленное множество деликатесов с суши и моря. Но, попробовав рыбу фениксов хвост, они все согласились, что её вкус был просто поразительным.

Чжоу Янь помнил отчётливо: в тот период на одном из судоходных маршрутов его компании неоднократно возникали проблемы, что вызывало у него сильный стресс. Как раз тогда его старые одноклассники пригласили его на встречу — и он с радостью согласился, ища разрядки.

После еды он почувствовал себя полностью обновлённым; бремя, тяготившее его сердце, внезапно показалось гораздо менее тяжёлым. Он решил, что это просто радость от воссоединения с друзьями облегчила его душу.

Позже они стали регулярно посещать «Фулуцзюй» — всегда заказывая рыбу фениксов хвост.

Однако владелец настаивал, что рыба дикая, и требовала предварительного заказа. Всякий раз, когда поступал улов и подходила их очередь брони, он звонил, чтобы уведомить их.

Вспоминая это, Чжоу Янь запаниковал: «Я понятия не имел — я действительно не знал, что это может вызвать такое!»

Линь Сяоян настаивал: «Что ты чувствовал после того, как ел её? Твои тревоги действительно исчезали?»

Чжоу Янь ответил: «Я просто чувствовал глубокое расслабление и комфорт после каждой встречи со старыми друзьями — но я искренне никогда не осознавал, что это было из-за рыбы».

Он никогда не подозревал рыбу. Для него она была просто восхитительной. Съев её, он не чувствовал эйфории — только глубокое умиротворение, спокойное спокойствие, когда даже катастрофа показалась бы пустяком.

Видя испуганное, встревоженное лицо Чжоу Яня, Цзян Линь ничего больше не сказал. Вместо этого он повернулся к Чжоу Цзимину и заявил: «Господин Чжоу, если состояние Чжоу Яня действительно вызвано употреблением дичи, помимо паразитарной инфекции, вы должны провести тщательное повторное обследование — особенно проконсультироваться с неврологом. Если эта рыба вызывает галлюцинации, её токсин, вероятно, нацелен на нервную систему. Так

ли это, ещё предстоит подтвердить — мы также посетим ресторан для расследования».

Чжоу Цзимин ухватился за проблеск надежды: «Если это действительно рыба — можно ли ещё спасти моего сына?»

Цзян Линь ответил: «Я не врач — я не могу дать вам окончательный ответ. По крайней мере, мы должны сначала точно определить, что именно он употребил».

Они не задерживались долго в резиденции Чжоу. Цзян Линь в сопровождении Линь Сяояна и Бай Чжичжи направился прямо в «Фулуцзюй».

По пути Линь Сяоян забрал свой магический артефакт Цзисян из дома Чжоу — алый шнур, тщательно очищенный и выкованный, с начертанными защитными и атакующими узорами массивов, — инструмент, которым он владел наиболее искусно. Если бы странная болезнь Чжоу Яня не требовала срочного внимания, он бы никогда не оставил такую драгоценную вещь.

Забрав красный шнур, Линь Сяоян одновременно искал в интернете информацию о «Фулуцзюй», надеясь, что отзывы пользователей сети могли дать зацепки.

Затем Цзян Линь повернулся к Бай Чжичжи: «Если в ресторане подают ту рыбу, о которой ты упомянул, — сможешь ли ты определить её по запаху?»

Бай Чжичжи не поднимал глаз, поглощённый мобильной игрой. Сможет он учуять или нет — какая разница? За кого они его принимают?

Машина остановилась на светофоре. Цзян Линь протянул к нему руку.

Бай Чжичжи поднял взгляд.

Цзян Линь взглянул на телефон в его руке, с лёгкой улыбкой в глазах — но его слова не несли тепла: «Это мой телефон. Ты можешь вернуть его сейчас. Спасибо».

Видя, что игра ещё не закончена, и замечая непреклонное требование Цзян Линя вернуть его телефон, Бай Чжичжи сжал губы в молчаливом сопротивлении. Однако Цзян Линь отказался уступать. Только тогда Бай Чжичжи сдался: «Да — я могу учуять его запах».

Цзян Линь убрал руку и улыбнулся. «Не мог бы ты помочь нам обнаружить его? Если состояние Чжоу Яня действительно ухудшилось после употребления этой рыбы, тогда она действует как наркотик, вызывающий привыкание, — который в конечном итоге убивает. Мы не можем позволить такому продолжаться».

Бай Чжичжи возразил: «Если ты хочешь, чтобы я что-то для тебя сделал, — какая награда меня ждёт?»

Даже его собственный отец должен был обменивать магические артефакты, чтобы заставить его налить чай.

Цзян Линь ответил: «Я купил тебе телефон и одежду. Я заплатил за них».

Бай Чжичжи указал на устройство в своей руке: «Такой же телефон, как этот?»

Цзян Линь кивнул.

Только тогда Бай Чжичжи согласился: «Хорошо — я помогу тебе на этот раз».

Теперь, когда у него был собственный телефон, Цзян Линь больше не мог угрожать ему ограничить игровое время.

<http://bllate.org/book/17958/1724918>